

Астафьев Виктор Петрович Улыбка волчицы astafevvictor.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Тимофей Копылов, работавший на метеорологическом посту, верстах в семнадцати от новопоселения Уремки, где проживал и нес егерскую службу его друг детства, однорукий Карпо Верстюк, не раз и не два говорил, что волки обладают способностью ощущать или чувствовать перспективу. Верстюк, высланный с Украины в Сибирь еще в тридцатые годы вместе с батьком, маткой и целым детским выводком, едва ли не единственный из того выводка и уцелевший, как и полагается хохлу, был упрямым до остервенения, отшивал Копылова на давно здесь привычной смеси украинского и русского языка: "Я на тоби смеюсь". Вечер Копылов вызвал по радиации Верстюка: ? Заводи свою таратайку, приезжай, тогда посмотрим, кто на кого будет смеяться. * * * Еще в старом, не затопленном селении под названием Уремка, Копылов и Верстюк учились в одной школе, сидели за одной партией. Копылов списывал у Верстюка по арифметике, затем по алгебре и геометрии, Верстюк у Копылова ? по русскому языку, литературе и истории. И так вот, союзно действуя, подсказывая один другому, списывая друг у друга, едва они не закончили семилетку. До самой войны и работали они вместе, на сплавно участке, и "всю дорогу", выражаясь по-современному, то есть с самого детства спорили, дрались, и никто никого победить не мог, потому как дрались они вроде бы азартно, да без остервенения: кто-то с кого-то шапку сшибет, ворот у полушубка оторвет, но чтоб голову проломить или зубы выкрошить ? до этого дело не доходило. Когда на войну сходили и один вернулся кособоким, другой без руки ? драться перестали, надрались, говорят, хотим мирной жизни. Ну а спорить ? чем дальше жили, тем горячее спорили. И жен себе завели таких же, зевастых, заводных, в работе хватких. Когда рукотворным морем, хламным водохранилищем затопило Уремку и развело Копылова с Верстюком, они тосковали друг по другу, при всякой удобной оказии норовили повидаться и "покурить" вместе. Жены, те если месяц не повидаются, не поорут одна на другую, от окна не отходят, плачут, проклиная тех, кто затеял великую стройку, пустил родное село на глубокое дно, поразбросал уремцев по белу свету. Летом друзья встречались чаще: то Верстюк, мотаясь по горам и тайге, ночевать на метеорологический пост вдруг спустится, то жену на моторке по ягоды, по грибы притартает, то сама Копылиха в сельпо снарядится за покупками. Но как зима ляжет, всякое сообщение замирает ? нет дорог по водохранилищу: тороса, хлам лесной, полыньи от изверженных известковых вод, да и безлюдье не давали организовать никакому твердому и безопасному пути по широкому полю льда. Однако, лет с десятков уже, Верстюк обзавелся вездеходом, усовершенствовал его, довел технику до масштабов все? и вездепроходимости, и работа егеря активизировалась, жизнь пошла веселее и беспokoйнее. Волки, когда-то обретавшиеся в предгорьях и по лесостепям, ближе к овечьим отарам, ко всякой доступной живности, теснимые людьми, автомашинами и вертолетами, с появлением огромного водохранилища провели перестройку в соответствии с условиями обитания, подвинулись жить и промышлять к пустынным, зверем и птицей богатым берегам. Объединившись в стаи, волки зимой порой успешно охотились на маралов, косуль и даже случалось на лосей. Часть стаи с "бригадиром" во главе переходила водохранилище, залегала там, иногда во вмерзшие в лед тороса, в таежный хлам, иногда и просто на чистине лежат волки, припорошенные снегом, не шевелятся, терпеливые они охотники. Другая половина стаи в это время выслеживала зверя, тропила, поднимала его и нетерпеливо, умело вытесняла жертву из тайги на лед. Выдравшийся из гор и леса марал на просторе чувствовал себя вольно, стремительно уходил от преследователей на другую сторону водохранилища, чтоб снова скрыться там, в горах, в привычной тайге, и вдруг перед ним из снега восставал волчий, хорошо организованный отряд. Уверенно брали волки марала в кольцо, до хрипа его загнав, пружинисто бросались под горло, на загривок, валили на лед. Потом, голодно поскуливая, кружили звери вокруг дымящегося кровью марала, жадно хпали ртами красный снег, дожидаясь загонщиков, которые, клубя белый бус, катились во главе со старой волчицей к месту своего пиршества. С ходу, с лету, с треском рвали они кожу зверя, выхватывая горячие куски мяса, урчали, заглатывали их, захлебываясь маральей кровью и собственной слюной. Схватив карабин, одышливо дыша раскрытым ртом, Копылов спешил к месту схватки. Волки даже уходить не торопились, кушали себе спокойненько, вскидывая морды, забрасывали в себя красные куски, хрустели хрящами, сухожилиями и костями, что по зубу, потом тяжеловато, россыпью трусили по белому полю к берегу, на ходу вытирая окровавленные морды о снег. Копылов начал догадываться: среди волков появились собаки ? диким зверям до такой тонкой тактики и наглой практики своим умом пока еще не дойти. На участке Верстюка резали волки живые, можно сказать, безнаказанно. Полезный скот люди порезали и съели сами. Уходя в города, рассказывая по свету, уремцы, как и везде по Руси, кошек и собак бросали на произвол судьбы. Бороться с так хорошо сплоченной волчьей ордой было трудно,

Астафьев Виктор Петрович Улыбка волчицы astafevvictor.ru
почти невозможно. От бессилия, от бессонных ночей, от напрасных погонь егеря Верстюк почернел, исхудал, выветрился, нервным сделался, а тут еще "той бродяга", Копылов со своей "перспективой"! Ну хоть на пенсию уходи! * * * На сей раз Верстюк даже и не спорил с Копыловым, грустно слушал его сперва по рации, затем на метеопосту, кивал головой, ронял: "Н-н-на... Ох же ж и брехать ты, Тимохвей! Тоби ж полковым комиссаром було б само раз, а ты пэтээр на горбу по усему хронту!.. Н-н-на... Ох-хо-хо-о! Шо? Шесть? Ты ж по математике усю дорогу списував, но так до дэсяти считать и не навчивсь. Шо? Зарплату считать умеешь? А та ж твоя зарплата! Ниякой школы из трэба, шоб ии счести. У мэни? Та тэж одно названье ? зарплата..." Копылов втолковывал Верстюку, что с вечера водохранилище перешли шесть волков. Верстюк знал, что Копылов не брешет, но суперечил ему, не соглашался; иначе бы и не был Верстюком, а каким-нибудь Сидоровым или Шендеровичем был. Спускаясь от метеопоста на лед, все ворчал и ворчал Верстюк в том роде, что Копылов доспится до того на своем посту под названием "не бей лежащего", что не шесть волков, черти ему будуг казаться в несметном количестве... Но под холодным рыжим яром с сиротливо чернеющими дырками ласточек-береговушек отчетливо виднелись круглые следы, даже когти пропечатались на рыхлом снежку. Верстюк и тут сразу не сдался, высказывал предположения, что, мабуть, это Куська и Мохнар ? собаки Копылова, наследили ? хозяин панику поднимает, "як на хронте спужався, то ще и не очухавсь"... ? Э-ге-е-е! Куська-Муська, разуй глаза, Тимохвей! С твоими тиграми собес караулить. На глазах, настаивал Копылов, на глазах, толковал он, не стесняясь, прошли волки. Шестеро. Потоптались под берегом, поигрались, глазищами сверкали, на помещение метеопоста смотрели ? нельзя ли там кем или чем подзакусить, соображали. Бесстрашный кобель Мохнар и хитренькая его подружка Куська залезли в служебке под кровать, так по сию пору и не дышат, даже жрать не просят, хотя по этой части охотники они редкие. Баба его, Копылиха, насчет иконки намекает, мол, что с того, что муж партейный, образочек маленький в утешенье был бы, вместо картинки, за него из партии не исключают, за маленький-то. * * * Верстюк посерьезнел, шутковать перестал. Мозговали старые уремцы, тонкий и серьезный план разрабатывали. Один из них, то есть егеря Верстюк, в потемках на своей таратайке ? на вездеходе, значит, передеет водохранилище и заночует и охотничьей избушке, что спрятана Копыловым в Малтатском заливе. Другой, значит, метеоролог Копылов, останется дома и будет вести наблюдение; коли волки спустят зверя с гор и погонят через водохранилище, он дает ракету. Верстюк отрезает на таратайке хищников "з одной стороны", Копылов их пусть преследует "з другой". Пока же до глухой ночи еще далеко, у хозяина дел невпроворот, так пуцай балабол старый не путается под ногами, пуцай занимается любимым делом ? смотрит бесплатное кино. В служебном помещении метеопоста была рация и узкоплечная киноустановка. Летом, когда на водохранилище стоял плавучий пост-баржа и народу наезжало порядочно, в особенности руководящего ? за грибами, за ягодами и выпить вдали от блюстителей закона об алкоголизме, заброшено было сюда восемь кинокартин. Копылов с женой те кинокартины до того докрутили, что уж знали их наизусть. Верстюк же с детства, с Уремки потрясенный чудом под названием ? кино, мог смотреть любую кинокартину, особенно военную, когда угодно, где угодно и сколько угодно. В госпитале табак и сахар отдавал за кино. Самое подходящее место ему было смотреть кинокартины на метеопосту, у Копылова, поскольку просто так он смотреть кино не мог, вертелся, объяснял соседям, что на экране "роблится", хохотал, плакал, негодовал, возмущался, поощрял и порицал героев. Дело кончалось чаще всего тем, что из поселкового клуба его взашей выгоняли, дома никто с ним телевизор смотреть не хотел. Верстюк тайно мечтал настрелять волков, сдать их шкуры за хорошие деньги и купить себе отдельный телевизор, "мабуть, даже японский", и смотреть всякое разное кино сколько его душеньке угодно. Японский телевизор, пояснял Верстюк Копылову, тем хорош, что у него "лампов нема и он роблить просто так, на унутренней энергии". ? На какой, на какой энергии? ? заводил Копылов Верстюка. ? На унутренней! ? смело заявлял Верстюк. ? Это только у тебя унутренняя энергия, с сала накопленная. А у японца ? электроника. Полупроводники, компьютеры кругом. Отстал ты, Карпо, от прогресса на двести лет в своей Уремке. Скоро таких, как ты, на молодых женить будут, чтоб кровь молодела и ум обновлялся. ? А шо ж, я нэ против! ? Тыфу, срамцы старые! ? ругалась жена Копылова. ? Всю-то жизнь они, как дворовые кобелишки, шерсть друг дружке рвут. * * * У Копылова от пористого носища наискось по щеке, к левому глазу, все еще синело пятно, похожее на крыло какой-то нездешней птицы. Это они, два друга, хрен да подпруга, как они себя именовали, устроили себе потеху. В той Уремке, что была сейчас подо льдом, на дне "моря", вместе с домами, сараями, банями, стайками, со старым сельсоветом, клубом, почтой, с начальной школой, с бедным, но широким погостом, дело было. Однако друзья до сих пор казалось, что наваждение это непременно и скоро кончится, как кончается всякий тяжкий сон. Вода, покрывавшая привычный сельский

Астафьев Виктор Петрович Улыбка волчицы astafevvictor.ru

мир, уйдет туда, откуда пришла, вольется в свои берега, и поплывет из кромешной глубины, приветливо светясь огнями, родная Уремка и остановится, умытая на песчаном мысу, изумленно глядясь в реку светлыми окошками домов. Так вот в той, еще живой, незагубленной Уремке, отроки по прозванию Карп и Тимка стянули древнюю фузею деда Копылова, с японской, а может, еще с турецкой войны им принесенную, и начали снаряжаться на охоту. Сказывали, дед Копыл из той фузеи беспощадно валил в здешних горах зверя. Любого! Хоть сохатого, хоть медведя, хоть марала, хоть рысь. Наповал! Отмочили хлопцы в керосине сложные механизмы фузеи, подточили в ней кое-что, припаяли курок и пошли в лес? валить медведя "на берлоге". Берлог тех в рассказах деда Копыла было больше, чем домов в Уремке, сразу же за банями, едва в лес ступишь. Но, видать, зима худая выдалась, зверь не лежал на месте. Друзья кружились, кружились вокруг села, зверей не находили, и решено было пальнуть в цель. Набили парнишки порохом длинный патрон с зеленой трещиной повдоль его, заложили свинцовую пломбу вместо пули и потянули палочки: длинная палочка? стрелять, короткая? наблюдать. Счастье, как всегда, выпало Тимке. Карп только вздохнул? он уж давно смирился с судьбой: все же пришлый он, высланный лишенец, а бог? он здешний, чалдонский, и всегда за своих стоит. Ка-ак пальнул Тимка из древней фузеи, так обоих корешков и смело в сугроб. От фузеи остался один, в лучину расщепленный приклад и железная скоба. "Вынос произошел в сторону зажмуренного глаза, иначе быть бы кривым брандохлысту",? сделал приговор дед Копыл и, не удержавшись, похвалил внука: ? Весь в меня пошел! Отча-а-аянный!.. Вздохнул украдкой Карп, вспомнив прошлое, который раз поразился мудрости природы, по справедливости все распределяющей: Тимка как был, так и остался книжечем и мыслителем. Карпушка же? человек мастеровой, умел все починить, наладить, усовершенствовать, обморочковать и хитро, как ему казалось, решить любую жизненную проблему. Вот по талонам выдают на месяц бутылку водки, а он раздобыл две! Смог бы Тимка произвести такую экономическую операцию? Да ни за что! Согласившись в душе с закономерностями жизни и придя к выводу, что жизнь уже не переменишь и людей не переделаешь, выпили Верстюк с Копыловым по стопочке из пол-литры, привезенной с Уремки, да и отправился хозяин справлять дела, а гость смотреть переживательное кино под названием "Два Хведора". * * * В служебном помещении, заваленном инвентарем и матрацами, Верстюк обнаружил забившихся под кровать, в угол Мохнаря и Куську. ? Шо ж вы, хлопцы, сховались? Чи волков испугались? ? спросил Карп насмешливо. Мохнарь и Куська застыдились, отвернулись друг от дружки, извинительно помели пыль хвостами, что, дескать, поделаешь, дорогой Карпо, ? всякому существу жить охота, и нам? тоже, хоть мы и собаки. Когда зажужжал аппарат и началось кино, собаки тихонько выползли из-под кровати, обсели с двух сторон Карпа, с полным вниманием и пониманием слушали его пояснения. ? Ото бачьте, хлопцы, ото Шукшин грае, а то Семина. Воны як ты, Мохнарь, и ты, Куська, ходют, ходют, принохиваются, потим, як пристигнэ, воны тэж поженятся. А як жэ ж? Охмурь Шукшин Семину зараз, то про що тоди кино показуваты? Кино дужэ умные люди роблять? интригой заманывають... Скоро Карпо пустил слезу, повел тонко-тонко: ? А шо ж ты наробыв, Васю? Ты для чога так рано сгорив? ? Мохнарь и Куська начали подвывать. Копылов, заглянув в служебку, послушал, послушал и вздохнул, сокрушенно качая головой: ? Во, благодарные советские зрители. И кто тебя, Карпушко, в егеря принял? Это ж серьезная работа. Со зверем надо дела иметь. Съедят они тебя, либо башку свернешь об корягу... Глаза размочил! Ночью ехать. В польню ухнешь? отвечај за тебя, мокрорылого. Карп в ответ слабо махнул рукой: ? Видчэпысь! Нэ до тэбэ! Скоро, однако, Карпо, сморкаясь в платок, вышел на свет, начал промаргиваться. Собаки, горестно опустив хвосты и головы, тащились следом за ним. ? Ты мне и псов-то разжалобил! Они и без того нервами слабы! ? Ох, Тимка, Тимка! ? протяжно, с детским всхлипом вздохнул Карп. ? В тэбэ тут масло е, ? постучал он себя по лбу, ? а шо тут, ? потряс он сзади штаны, ? шо тут, ? приложил он руку к груди, ? ничего нэ було и нэма. ? Не отнимая руку от сердца, Карпо прилепился к столу, налил стопочку, подумал и другую налил из поллитры, которую раз в месяц выдавали ему в сельпо по талону, как инвалиду Отечественной войны для лечения руки, которую он вытребовал по норме, как простой гражданин страны, твердо вставшей на пугь борьбы за трезвый образ жизни. "И правильно! ? выступая на собраниях, как активист и депутат поселкового совета Уремки, говорил Верстюк. ? Нам бэз борьбы нэ можно. Корове бэз сена нельзя, а нам бэз борьбы, раз усе время стремились и боролись: за победу, за урожай, за дисциплину, за сохрану картошки, за рэмонт обуви, то остановись? упадешь. Борьба есть опора нашего життя!" Выпили. В тарелку с капустой вилками потыкали. ? Ты знаешь, кто в тым кино грав? ? ткнув вилкой в сторону служебки, поинтересовался Верстюк. ? Шукшин играл. Артист. Режиссер, писатель и еще кто-то... ? Ага! Ще кто-то! Ты в цым лесу на посту спышь, а люди борются. Шукшин летом вмэр?... ? Господи! На картине все живой... И век живой будет. Как и сообразить? ? задумался Копылов,

Астафьев Виктор Петрович Улыбка волчицы astafevvictor.ru
носом пошевелил. ? Нaley еще по одной ? за помин души хорошего человека. ? Выпил, рукой утерся и заключение сделал: ? Пил, поди, вот тебе и вся борьба. ? Ни-и ! ? замахал рукою Карп. ? Когда-то було, а потим, ни божечки мой. Вот жениться, дужэ любыв. ? Тогда, конечно. Тогда хана. Алименты... комплименты, то, се... Друзья-уремцы сочувственно помолчали. Мохнарь и Куська поглядели на них, поглядели, потом на ноги Карпа легли, морды друг на дружку угнездили, глаза горестно прикрыли, отдались привычной тихой дреме. ? Да-а. Я тут, как налим на дне, залег под корягу ? ни газет, ни телека. Кино уж раз по десять перевертели, наизусть знаем. Радио послушаем, пожрем, позеваем и на боковую. Ночь дли-и-ин-на-а-а! На фронте, бывало, только глаза сомкнешь ? уже орут отцы-командиры: "Подъем! Разобрать лопаты-ы-ы!" ? Так и у нас телек утром, телек днем, телек вечером ? усе тоби тут развлечение. Я, однако, тоби, Тимка, антенну зробию. Направленну. Мабудь, и до твоего поста телесигнал достигнэ? А про Шукшина, Тимка, Бурков ? артист рассказував. У Ялти. У санатории имэни товарища Куйбышева. Весэ-э-элый артист, пид мухой був. ? Да как же тебя в Ялту-то занесло? ? По льготной путевке инвалида войны. ? Ох и дока же ты, Карпушка! Ох и прохиндей! Все-все умеешь добыть, даже вот ее, ? постучал Копылов ногтем по бутылке. ? А шо ж, льготной попуститься? Лягты, как тому налиму, пид корягу? Тоби хоть дэсят бесплатных путевок дай и грошив мешок ? ты своего места, ? постучал Карп пяткою в пол, ? та свою бабу, та собак будэшь стерегти, поки волки нэ съедят... ? Да-да, волки! ? спохватился Копылов. ? Давай-ка, брат, заткнем остатки, чтоб не выдохлись. Потом за победу над хищниками хряпнем. Да осторожно газуй, не провались. Жалко будет такого гарного охломона. ? Нэ гомони! ? буркнул Верстюк, снаряжаясь и заводя свою таратайку. ? Каркаешь на ночь глядя. А вин слухае. ? Кто вин-то? ? Кто-кто? Лихоман таежный. ? Ты с войны ж коммунист, Карпушка, а в нечистую силу веришь? ? Вид тэбэ ереси набравсь. Собаки бойко мчались за вездеходом, вертелись в облаке снега, тьявли, но под горой примолкли, сбавили ход. Заработали хвостами и ноздрями, нюхая снег, воздух, после чего тихонечко вернулись в служебку, куда они наловчились открывать дверь лбами, растянулись в безопасном месте, позевали с подвывом и успокоились. * * * Верстюк переехал водохранилище без приключений, долго откапывал из снега избушку Копылова и, растопив печку, сидел у дверцы, грел чай, думал про кино, про войну, пытался постигнуть таинство смерти: как же так? Умер человек, но вроде бы и не умер, в кинокартине ? живой, страдающий, иногда веселый, зубы свои крепкие, чалдонские скалит. Вот бы всех хлопцев на фронте засняли, чтобы они хотя бы в кино живыми остались. А то ж ни следочка, ни косточки не осталось, травой-бурьяном заросли... "Ах, хлопцы, хлопцы! Пулеметчики мои дорогие! За што ж вас таких молоденьких да гарнесененьких?.." ? горевал Карп, и так с солеными слезами на губах забылся, уснул. Поднялся Верстюк рано, прислушался. В трубе веяло, по окну шуршало, на бельмастом пятне стекла покачивалась слабая тень ? сосенка молодая покачивалась. Над Малтатским заливом прежде пашни уремские были, речушка Малтатка текла, нынче непроглядный здесь лес молодой пошел, да все по прихоти, колониями то сосняк, то березняк, то осина ? зверь войдет, не выживешь оттуда ни собаками, ни ружьем, лишь пронирыливым волкам все нипочем, в густолесье этом они, как дома: охотятся, гуляют, выводки прячут. Порошу волки любят. Того не ведают, хотя и умные бродяги, что по пороше сподручнее не только им ходить-бродить и драть всякую ротозевую живность, но и подбираться к ним. Заварив чайку в плоском мятом котелке Копылова, неторопливо, с чувством пил Верстюк чаек, в открытую дверь выше берега и леса, по-над косогором, глазами мир обшаривал ? прошибет или не прошибет ракета земную и небесную мглу? Прошибла! Ракета возникла неожиданно, Верстюк даже вздрогнул, как на фронте. От малинового, дрожащего света ракеты почему-то тревожно сделалось егерю, засосало под грудь, будто перед утренней атакой, когда настороженная передовая, недобро примолкши с двух сторон, ждет в серой мути снегов, за едва темнеющими всхолмлениями траншей начала военной работы. Уже искурена до жжения губ последняя сигарка у русского солдата, сигаретка у немца ? все сделано, все приготовлено к бою. Припав к холодным прикладам, до блеска вытертым о живые человеческие плечи и щеки, стрелки-автоматчики, пулеметчики ищут упор обувью ? комок земли, выбоину на дне иль в стене траншеи, ? когда упор есть ? стрельба точнее. Вот-вот начнется. Одни будут отбиваться и убивать, другие будут карабкаться по отвесной стене траншеи, ссылая обувью мерзлые крошки земли, царапаясь ногтями о стылый откос, не понимая, почему так непреодолима стена и так высок бруствер тобой долбленного обжитого окопа. Уже зачиркали вражеские пули, выбивая серый прах из земли, уже первых убитых откинуло назад, свалило обратно в траншею, так и не давши им перевалить через бруствер, вырваться во чисто поле. Верстюк отроду был некурящий, и ему нечем было заполнить ту мертвую минуту перед атакой или перед отбитием атаки. Он придумал грызть сухарь, соломку, ветку дерева, кусочек ли сахара, в черный осколок превратившийся в

Астафьев Виктор Петрович Улыбка волчицы astafevvictor.ru

кармане шинели. Была там секунда или доля ее, когда надо было человеку выплюнуть сигарку, растоптать ее решительно, а Верстюку ? недорушенную крошку дохрумкать, ? очень нужная секунда, очень важное время... Однажды, в такое же вот холодное, безразличное утро, изжевав чего-то, не внемля самому себе, тем звукам, тем словам ли, чаще всего матюгам, которые сами собой возникали в каком-то от солдата отделившемся существе, перелетел Карпо через бровку окопа, стреляя из ручного пулемета в мерцающее огнями, прыскающее дымом, бухающее, трещащее, гудящее, земляное, холмистое устройство, одолел мертвое пространство, упал, провалился во вражескую кисло пахнущую траншею, по которой еще плывал желтоватый дым и таяло под отстрелянными синеватыми гильзами. С порвавшимся дыханием, с бесчувственно, на последнем пределе бухающим сердцем приходил он в себя и вдруг услышал ? где-то рядом воет волк! Страшно воет, загнанно, смертно. Не сразу дошло до Верстюка: это он, ссыльнопоселенец Карпо из сибирской дереvушки Уремки, воет от страха, от ужаса, от злости, от счастья солдатского ? прошел, преодолел еще одну полосу войны, вышел живьем из еще одного смертного дела. Через какое-то время Копылов пустил вторую ракету, на этот раз зеленую, полагая, что дружок его закадычный, элемент этот ни коллективизацией, ни ссылкой, ни войной не добитый, проплакал до утра, жалея мертвого артиста, не убитых еще волков, да и не увидит размытыми глазами сигнала. * * * Волки-загонщики прошли на рассвете, километрах в двух ниже метеопоста. Сранивая с деревьев и с прибрежных кустов кухту, уже загнанно всхрапывающий, вышел марал на лед, постоял, выбрасывая из ноздрей клубы пара. Высоко, в узких расщелинах хребта выследили и взяли его в оборот волки. Упорно, по-рабочему, неторопливо вели они зверя к водохранилищу, не давая ему никуда отклониться. Передохнув, марал поднял морду, поработал мокрыми поршнями ноздрей, учуял, должно быть, близко волков и наметом пошел по белому полю, к спасительному густому новолесью, мохнатым облаком плавающему по ту сторону водохранилища. И сразу пыльным облачком с обмытого берега ссыпалась стайка волков. Волки потоптались под берегом, опятнали желтой мочой снег, молодые покатались на спине и, азартно взвихривая снежный бус, надали ходу. Дальше, дальше, дальше уходил марал, и деловито, даже как бы мешковато трусили в отдалении волки. Тонконогий, но ширококопытный марал и плесенно-легкие пятнышки волков уплывали в рыхло колеблющуюся наволочь неторопливого зимнего утра. Все глубже, все дальше, в сон, в серый свет пустынного, безгласного утра погружался быстрый зверь. Вот уже по колено погрузился марал во мглу, вот уж только комолая голова плывет и качается поверху, вот совсем не стало видно зверя, исчез, утонул или воспарился он, превратился в эту серую мглу, соединился с тишиной и пространством зимнего поля. И волки, один за другим двигающиеся, растворились в этом успокоительном мглистом сне, поглотила их немо белеющая плоскость водохранилища. Копылов отрядил жену с двустволкой на мыс. Мыс тот врезался желтым намытым песком, серыми россыпями камней, в белую твердь льда, замыкая залив от вдаль и вширь простирающегося водохранилища. Неизвестно где начинающегося и где кончающегося. Жена Копылова, катаясь с яра на лыжах, упала, сердито взяла лыжи под мышку и, проваливаясь в снег по юбку, надетую поверх шаровар, шла к мысу, рассуждая сама с собой о волках, о муже, о проклятой жизни в этой метеорологической дыре. Она уже давно научилась разговаривать сама с собой и при этом категорически рубила рукою. Каждый взмах означал приговор: последнюю зиму она здесь мается, последнюю волю своего носопыря исполняет. Вот разгонит волков, дождется, когда отелится корова, по теплу уедет на "метеоре" в город, к дочери, ? и только ее и видели! Сдохни он, этот пост с мышами, с тайгой, с волками! И сам Копылов сдохни со своим дурацким постом! Снег уже сильно спрессовало ветрами и песком, идти под берегом, если осторожно, возможно было не проваливаясь, но Копылиха не такой человек, чтоб осторожно, ругаясь, она помогала себе ногой, пробивала наст и ухалась вглубь так, что юбка делалась колоколом, и долго потом вышатывала себя баба из снега, выкарабкивалась на карачках из рыхлой ямы. "Кабы в стволы ружья снегу не набила, блаженная". ? Стволы продуй, стволы! ? сделав трубочкой руки, прокричал вслед жене Копылов. Жена или не услышала его, или превратно поняла крик насчет стволов, вытащила руку из мохнашки и показала мужу кулак. * * * Проводив жену усмешливым взглядом до самой загогулины мыса, Копылов толкнулся таяком и раскоряченно покатился наискось по косогору, к тому месту, где покружились волки. На лету, мимоходом, Копылов отмечал глазом густую заячью топанину, по ней прочерки свежего рысучего собольего и горностаевого следа. Сзади, в закрытом помещении метеопоста запричитала Куська, тут же подгавкнул, подпел подруге Мохнарь. ? И-я-а вот вам! ? громко заругался Копылов и от потери бдительности чуть не свалился с подмытого берега в гущу плавника, ощетиленного ломаными сучьями, острыми кореньями и убийственно мерзлыми, замытыми до обмылистой глады выворотнями и бревнами. Туда сверзись, не только лыжи ? ребра переломаетшь. Устроив засаду под берегом, в этих самых, волнами измытых, истасканных беспризорных деревьях, в сказочно перевитом,

Астафьев Виктор Петрович Улыбка волчицы astafevvictor.ru

свинченном раскоренье, Копылов прислушался, кажется, различил далеко-далеко тонкий звон круглой пилы и порешил, что это звенит таратайка егеря. Да, то пилил вездеход егеря Верстюка на широкой шарнирно, будто у самолета, качающейся лыже. Шла таратайка почти бесшумно? так Карпо сумел ее отрегулировать, да еще выхлоп сопла затянул сеткой, и снегом вминало звук, да и вел Верстюк свою машину, жмясь под навес берега. Слов нет, волки звери осторожные, но человек-то хитрее. Совершенно уверенные в своей безопасности звери все же поддались беспечности, и когда налетела на них машина, бросились врассыпную, потеряв образцовую организованность. Часть стаи сразу же ушла по собственному следу на обратную сторону водохранилища, к высоким, в небе увязнувшим вершинам и перевалам. Но четверых зверей Верстюк отсек от стаи и гнал их, прижимая к захламленному подмою, теснил к осыпи берега. Волки попробовали с ходу взять берег и уйти в густолесье, один из них, с подпалинами по хребту, распластался в прыжке, скребнул когтями бровку берега, вырвал клок мха, сорвался вниз. И тут же стукнул карабин. Волк по-щенячьи взвизгнул, покотился через голову, разбрызгивая кровь по камням, по снегу, по корягам. Остальные звери надали ходу, но были они тяжелы от жратвы, вывалив жаркие языки, сонно клонили костлявые головы, изредка схватывали ртами снег. Все чаще, все тревожней вскидывали они оскаленные морды, фосфорически сверкали глазами? машина маленькая, но она не знала усталости, настигала их. Два зверя, шедшие о бок, словно споткнулись, приосели, изогнулись дугой? отрыгивают жратву, облегчаются,? догадался Верстюк. Этих не догнать. Умные, бывалые звери перешли на мах, словно пловцы, саженками уходили они от вездехода. Звери клонили бег за мыс, мимо метеопоста Копылова, минуя огороженную прорубь, натоптанную к ней тропу, алый бакен, вмерзший в лед. Куски мяса дымились на снегу, будто кучки красных углей. Верстюк направил вездеход за тем волком, который умчался в отрыв от своих собратьев. Не оглядываясь, зверь махал вдоль берега, да тяжелей, неуверенней, сбивчивей делался его ход. "Запалился!"? опытным глазом заметил егерь. С противоположного берега донесло три хлопка, отрывистых, четких. Следом спаренно ударили еще два выстрела. Волк, бежавший впереди вездехода, споткнулся, грудью упал на передние лапы, застуженно сипло проскулил. "Молодой, но смерть чувствует",? успел заметить Верстюк. Волк метнулся к спасительному берегу в хлам. Верстюк сорвал из-за спины карабин, не останавливая вездехода, навскидку и наудачу ударил. Пуля достигла берега, выбила из камней дымок и, заверещав, улетела в лесной хлам. Волк шарахнулся назад, а тут она, машина. Наседает! Волк, вывалив язык, распустив хвост, безвольно трусил туда, куда неумолимо направляла его машина. * * * За поворотом, в большую реку впадала когда-то малая, веселая речка Уремка. В устье той речки стоял недвижимой громадой утес, рыжий, насупленный, из вечного гранита, с чубчиком обветренного сосняка? этакой вьющейся гривкой на гордо выгнутой шее скакуна. Страшный, гордый утес унизило равнодушной водой, заглохило его вместе со щетинкой леса на хребтине, с белым пятнышком речного знака на лбу. Зимой, когда опадала вода, обмыленный, растрескавшийся утес возникал из пучин и устало кренился над грязным прибором. У подножия его тлел хлам, смытый с утесов и с берегов. Слово шкура древнего обитателя здешних мест? мамонта, не для дела снятая и без надобности брошенная, таскался волнами, прел тот лесной хлам. В тот спасительный хлам и устремился волк. Влекомый жизнью, зовом звериной свободы, он прыгнул раз, другой, третий и, царапаясь, скребя когтями по оледенелой луже, соскользнул вниз. Волк отчаянно таякнул, коротко всплакнул и прижался к омытому пронзительно-холодному камню, дрожа от страха, от загнанности, сразу утратив свое звериное величие. Волчица, а это была молодая рыжеватая волчица, видела медленно приближающегося человека с ружьем. Черным зраком глядело на зверя ружье с отоженными белесыми полосками по закруглению дула. Давнее, почти призрачное видение озарило память Верстюка? в слишком нежной, слишком рыжей шкуре волчицы ему почудилось что-то собачье. А когда волчица родственно завилала хвостом, заискивающе оскалила зубки, он ахнул: "Божечки! Просит прощенья! Матка, а то батька цэй зверины были собакою! З нашей Уремки мабудь?" Да, зверь этот, помесь волка с собакой, еще не обрел дикого наития, не мог отрыгивать пищу. Люди предали своего друга, кормильца, сторожа. Природа приютила. Она породила, она и приютила. Но когда еще собака сделается волком, окончательно и бесповоротно одичает, превратится в зверя, от которого увели его когда-то люди, приручили, сделали на себя похожим!.. О-о-о, сколько крови, сколько мук породил совместный союз этого зверя и человека! Какого опустошения в мировом лесу они добились вместе. И вот им сделалось не по пути. Разошлись они, вооруженные беспощадной техникой, оружием, от которого нет спасения, люди превратились в полудобытчиков, в полуохотников, а то и просто в убийц-браконьеров, праздных, равнодушных истребителей всего живого вокруг, превратив в бродяг и попрошаек давнего союзника своего? собаку. Дворовая, комнатная челядь, как и назначено лакею природой, пошла по рукам, жрет со стола объедки, дает лапу за сахар, и только самая свободная, самая гордая собака?

Астафьев Виктор Петрович Улыбка волчицы astafevvictor.ru
лайка, брошенная человеком, возвращалась туда, откуда она тысячи лет назад пришла к человеку, чтобы помочь ему выжить и закрепиться на этой круглой, опасно вращающейся планете. "Та хай вона живе и пасется!" ? едва ли не вслух сказал Карпо Верстюк. Но в это время на мысу, за метеопостом, гулко, раскатисто ахнуло ? это из дустволки двенадцатого калибра ударила Копылиха. Вот еще одно противоречие жизни: мышей баба боится, но на волков ходит!.. Верстюк начал поднимать карабин. Успокоившаяся было волчица вновь шевельнула хвостом, сметая из-под себя крошки камней, палую хвою и серый с песком перемешанный снег. Зубы ее снова оголились в просительном, извиняющемся оскале. И снова волной жалости омыло сердце человека. Но меж оголившихся, острых, еще молодых зубов волчицы багровела поедь. На серых волосьях вокруг хваткого рта, хищно заваливающегося в углах, смешанная с дикой пеной, желтела застывшая мокрота. Из нее, из этой пены, торчали как бы обмакнутые в красное волосья, уже чуткие, звериные. Волчица не успела обходить себя, не вытерла мокрую морду о белый снег. Каждый острый волосок полнился от корней бесчувственным каменным налетом. И на каждом заостренном кончике волоса ягодкой алела капля крови, отчего серая морда выглядела алчно, и притворно притухшие глаза не могли ее загасить. Лукавое собачье притворство плохо давалось беспощадному зверю. Карпо Верстюк и в самом деле был человеком чувствительным, слезливым от прожитых лет и потерь, от расслабляющего действия киноискусства. Но перед ним юлил хвостом, лицемерил враг, и он приставил карабин к плечу...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!